

Сочинения А. Н. Островского

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
С69

С69 Сочинения А. Н. Островского: Том 4 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 412 с.

ISBN 978-5-521-26766-8

Содержание: Грех да беда на кого не живет; Козьма Захарьич Минин Сухорук; Шутники; Воевода (Сон на Волге)

ISBN 978-5-521-26766-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

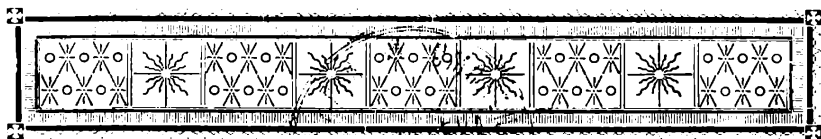
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГРѢХЪ ДА БѢДА НА КОГО НЕ ЖИВЕТЬ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена 1-я.

Л И Ц А:

Валентинъ Павловичъ Бабаевъ, помѣщикъ, молодой человѣкъ.

Карпъ, человѣкъ Бабаева.

Шшигалева, приказный.

Зайчиха (Прокофьевна), хозяйка квартиры, занимаемой Бабаевымъ.

Лукерья Даниловна Жмугулина, дѣвица пожилыхъ лѣтъ, дочь
отставного приказнаго.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Комната, оклеенная дешевыми обоями; старая мебель; одна дверь прямо,
выходная, другая въ сосѣдную комнату; окна съ ситцевыми занавѣсками.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Карпъ развязываетъ чемоданъ, Зайчиха смотритъ въ окно.

Зайчиха.

Ты погляди-ка, милый человѣкъ, сколько народу сошлось.

Карпъ.

Что имъ надо? Чего они не видали?

Зайчиха.

Всякому, милый, знать хочется, кто такой пріѣхалъ.

Карпъ.

Сказано про васъ, что провинція, такъ она провинція и есть. Ну, скажи имъ, что Бабаевъ, Валентинъ Павловичъ, помѣщикъ.

Зайчиха (*въ окно*).

Бабаевъ, помѣщикъ. (*Карпу.*) Спрашиваютъ, зачѣмъ?

Карпъ.

Извѣстно, за дѣломъ. А ты думаешь, гулять мы къ вамъ пріѣхали. Какъ же, есть оказія!

Зайчиха (*въ окно*).

За дѣломъ. (*Карпу.*) На долго ли?

Карпъ.

Намъ здѣсь не дѣтей крестить. Само собою, дня на два-не больше.

Зайчиха (*въ окно*).

На два дня. (*Отходитъ отъ окна.*) Теперь всѣхъ убоготорила. Минутъ черезъ пять весь городъ знать будетъ.

Карпъ.

А у тебя, тетенька, квартира-то ничего: чистенька.

Зайчиха.

Чистенька, батюшка, чистенька; затѣвъ большихъ пѣтъ, а чистенька. Конечно, пріѣздъ въ нашъ городъ не большой...

Карпъ.

Не на трахтѣ.

Зайчиха.

Какой тутъ трахтѣ! А все-таки, кто найдетъ получше-то, у меня останавливаются. Помѣщиковъ много знакомыхъ по окрестности, привыкли ко мнѣ; въ гостиницу-то мало кто заѣзжаетъ.

Карпъ.

Потому безпокойно.

Зайчиха.

Какой покой! Внизу трактиръ: въ базарный день содомъ просто. А что я у тебя спрошу: не сынокъ ли твой баринъ-то покойной енаральши Бабаевой, Софьи Павловны?

Карпъ.

Онъ самый и есть.

Зайчиха.

У нихъ усадьба-то Завѣтнымъ прозывается?

Карпъ.

Завѣтнымъ.

Зайчиха.

Ну, такъ, такъ! Я его давеча признала. Еще маленькаго выдавала: съ маменькой въ городъ ѣздила и ко мнѣ заѣзжали. Въ деревнѣ, что-ль, живете?

Карпъ.

Нѣтъ, мы больше въ Петербургѣ; а теперь въ деревню на лѣто для благоустройства пріѣхали.

Зайчиха.

Такъ, такъ. А что, хорошъ онъ для людей-то?

Карпъ.

Ничего, хорошъ.

Зайчиха.

Ну, слава тебѣ Господи! Дай ему Богъ здоровья! Въ городъ-то вы по какому дѣлу?

Карпъ.

Да по этимъ по судамъ все. Дѣло-то грошовое, тамъ свидѣтельство, что ли, какое, а пожалуй протомать дней пять.

Зайчиха.

Что мудренаго! У судей-то были?

Карпъ.

У всѣхъ были. Теперича намъ изъ суда приказнаго прислали.

Зайчиха.

Вамъ, не то, что намъ, скоро сдѣлають. Коли тебѣ понадобится что, стукни въ стѣну—я тутъ и буду. (*Уходитъ. Изъ боковой двери выходятъ Бабаевъ и Шишгалева.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

БАБАЕВЪ, ШИШГАЛЕВЪ и КАРПЪ.

Бабаевъ.

Такъ вы, милый, говорите, что рѣшительно нельзя?

Шишгалева (*съ поклонами, безпрестанно сморкаясь и прикрывая ротъ рукою*).

Ужъ повѣрьте, сударь, что ежели бы только было возможно, мы бы ужъ для васъ...

Бабаевъ.

А можетъ быть?

Шишгалева.

Извольте, сударь, сами разсудить: теперь присутствіе кончилось, членовъ собрать теперича никакой возможности нѣтъ-съ; завтра праздникъ—табель, тутъ суббота, а тамъ воскресенье.

Бабаевъ.

Вы подумайте только, мой милый, что вы со мной дѣлаете.

Шишгалева.

Чѣмъ же я причиненъ-съ? И человекъ самый маленькій.

Бабаевъ.

Но что же я, мой милый, здѣсь буду дѣлать четыре дня? Вѣдь, это ужасно!

Шишгалева.

Извольте, сударь, полюбопытствовать, нашъ городъ посматрѣть.

Карпъ.

А что его сматрѣть-то! Что за невидаль такая! Ты какъ скажешь: Петербургъ-то хуже вашего города, аль нѣтъ?

Бабаевъ.

Есть у васъ какое-нибудь общество?

Шишгалева.

Что вы изволите говорить-съ?

Бабаевъ.

И говорю: нѣтъ ли общества, какого-нибудь клуба, гулянья съ музыкой, вечеровъ у кого-нибудь?

Шишгалева.

Никакъ нѣтъ-съ.

Бабаевъ.

А гдѣ же ваши члены, ну и прочіе чиновники время проводятъ?

Шишгалева.

Промежду себя-съ.

Бабаевъ.

Какъ же такъ, промежду себя?

Шишгалева.

Поденно-съ. Дни назначены: нынче, наприимѣръ, у городни-

чаго, завтра у судьи-сь, послѣзавтра у стряпчаго, потомъ у откупщика, у инвалиднаго начальника-сь; такъ вся недѣля-сь.

Бабаевъ.

Съ котораго часу собираются?

Шишгалева.

Съ шести часовъ-сь.

Бабаевъ.

Что же они тамъ дѣлають?

Шишгалева.

Въ преферансъ играютъ-сь.

Бабаевъ.

А еще что? Неужели только въ преферансъ?

Шишгалева.

Такъ точно-сь, только въ преферансъ. Ну, обыкновенно ужъ тутъ вмѣстѣ со столами и водка ставится, закуска-сь— все, какъ должно. Играють и закусываютъ, такъ время и проводятъ-сь.

Бабаевъ.

Такъ съ шести часовъ всѣ и пьютъ?

Шишгалева.

Нѣтъ, какъ можно-сь! Только кто сдаетъ-сь, или съ ремизу-сь другой.

Бабаевъ.

Ну, такъ, стало быть, мой милый, дѣлать нечего, приходится дожидаться.

Шишгалева.

Ужъ подождите, сударь. А въ понедѣльникъ въ судъ пожалуйте, мы вамъ и выдадимъ безъ всякой задержки-сь.

Бабаевъ.

Ну, хорошо: я въ понедѣльникъ приѣду въ судъ. Вѣдь, вы будете писать, такъ я вамъ тамъ... что слѣдуетъ... Я не люблю, чтобъ для меня даромъ работали.

Шишгалева.

Семейство большое, сударь...

Бабаевъ.

Что такое?

Шишгалева.

Теперь соблаговолили бы что-нибудь!...

Бабаевъ.

Да я, право, не знаю, какъ же это? Сколько же вамъ?

Карпъ.

Да дайте ему, сударь, цѣлковый, вотъ и будетъ съ него.

Бабаевъ (*отдаетъ деньги*).

Вотъ извольте... Мнѣ, право, совѣстно.

Шишгалева (*кладетъ въ карманъ*).

Ничего-съ. Чувствительнѣйше васъ благодарю, желаю вамъ всякаго благополучія. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

БАБАЕВЪ И КАРПЪ.

Бабаевъ.

Какъ ты грубъ, Карпъ!

Карпъ.

Да если съ ними, сударь, нѣжности-то разводить, такъ они и повадятся таскаться сюда да на судьбу свою плакаться. На нихъ никакихъ денегъ не напасешься. Народъ безъ креста.

Бабаевъ.

Однако, что же я буду дѣлать? Погулять бы пошелъ, да еще жарко. Карпъ, что дѣлать?

Карпъ.

Вотъ что: сосните, сударь! Съ дороги-то хорошо.

Бабаевъ.

А ночью-то что дѣлать?

Карпъ.

Да и ночью то же. Отъ тоски-то, говорятъ, спится.

Бабаевъ.

Эка глупость, книгъ мы не взяли! Хоть бы легонькая интрижка какая-нибудь на эти четыре дня-то. (*Уходитъ въ боковую дверь.*)

Карпъ.

Ишь ты, что выдумалъ! Интрижка! Повадился больно! Все у него интрижки на умъ! Балованный былъ сыночекъ у маменьки! И воспитывался-то все съ барышнями да въ дѣвичьей: вотъ его теперь и тянетъ. Живу я теперича съ нимъ въ Петер...

бургѣ, какихъ только я дѣловъ навидѣлся! Грѣхъ одинъ! Уснулъ, что ли, онъ тамъ? И я-бъ отдохнулъ. (*Хочетъ ложиться; дверь открывается.*) Кто это еще?... (*Входитъ Жмигулина.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРПЪ и ЖМИГУЛИНА.

Карпъ.

Вамъ чего?

Жмигулина.

Валентина Павлыча.

Карпъ.

На что онъ вамъ?

Жмигулина.

Коль скоро я его желаю видѣть, это означаетъ, что онъ мнѣ нуженъ.

Карпъ.

Вы на бѣдность, что ли?

Жмигулина.

Какое невѣжество! Развѣ ты не знаешь, что жмигулинскія барышни завсегда при ихней мамашѣ у нихъ въ домѣ были приняты. Мы даже очень близко знакомы съ Валентиномъ Павлычемъ.

Карпъ.

Вы-то близко? Сумнительно мнѣ это.

Жмигулина.

Ты, можетъ быть, принимаешь мои слова въ какомъ-нибудь глупомъ смыслѣ, который я совсѣмъ не понимаю. (*Садится.*) Твоя такая обязанность, что ты сейчасъ долженъ пойти и доложить обо мнѣ.

Карпъ.

Вотъ что я вамъ скажу: онъ теперича почиваетъ.

Жмигулина.

Невозможно этому быть, потому что я сейчасъ его видѣла въ окно.

Карпъ.

Ну, ужъ видно, нечего съ вами дѣлать. Доложу пойду. (*Уходитъ.*)

Жмигулина.

По нынѣшнему времени, отъ этихъ новыхъ перемѣнъ очень много люди стали портиться. Онъ долженъ прежде узнать, какого я званія: такъ со мной и обращаться. И опять же, не его дѣло, на бѣдность я пришла просить или итѣть! Конечно, изъ нашего званія многіе этимъ занимаются, но не всѣ же. Можетъ быть, и Валентинъ Павлычъ сталъ довольно гордъ въ Петербургѣ и не захочетъ меня видѣть! А мнѣ ужасъ какъ хочется доказать въ здѣшнемъ городѣ, какое мы знакомство имѣемъ. Кажется, онъ прежде нами не гнушался, особенно сестрой Таней. (*Входитъ Бабаевъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

БАБАЕВЪ И ЖМИГУЛИНА.

Бабаевъ.

Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

Жмигулина.

Я никакъ не могла ожидать, Валентинъ Павлычъ, что вы такъ скоро забудете своихъ старыхъ знакомыхъ.

Бабаевъ.

Садитесь, сдѣлайте одолженіе. (*Садятся.*) Я, право, что-то не припомню.

Жмигулина.

Конечно, въ нынѣшнемъ свѣтѣ чувства не въ модѣ, нынче все больше политика, но мы, какъ люди не столичные, очень хорошо помнимъ прежнія знакомства и особенно благодаренія.

Бабаевъ.

Я съ вами согласенъ, благодареній никогда забывать не слѣдуетъ.

Жмигулина.

Мы вашей мамашѣ столь много обязаны, что этого и выразить нельзя словами. Сколько онѣ сдѣлали для семейства Жмигулиныхъ!

Бабаевъ.

Жмигулиныхъ?

Жмигулина.

Особенно для насъ съ сестрой Таней.

Бабаевъ (*припоминая*).

Таней... Татьяна Даниловна?

Жмигулина.

Теперь вспомнил?

Бабаевъ.

Такъ вы ея сестрица?

Жмигулина.

Лукерья Даниловна Жмигулина.

Бабаевъ.

Извините, сдѣлайте одолженіе!

Жмигулина.

Я нѣсколько не могу быть въ претензіи на васъ, что вы больше помните сестру, чѣмъ меня. Она такая красавица, что ее даже невозможно забыть.

Бабаевъ.

Да, да! Удивительной красоты дѣвушка! Мы были съ нею большими пріятелями.

Жмигулина.

Мнѣ это очень хорошо извѣстно. Кому же и знать, какъ не мнѣ! Я старшая сестра, должна наблюдать за младшей.

Бабаевъ.

Да, да, конечно. Скажите, пожалуйста, гдѣ она теперь? Что подѣлываетъ?

Жмигулина.

Она здѣсь въ городѣ, замужемъ.

Бабаевъ.

Замужемъ? Хорошо живетъ?

Жмигулина.

Какая жизнь, помилуйте! Въ бѣдности, между такого народа, который безъ понятія. Это не то, что бывало у вашей мамашы въ Завѣтномъ! Просто былъ рай земной! Ваша мамаша были самая добрейшая дама и любили, чтобъ у нихъ было все въ весело. Барышень всегда было въ домѣ много, а также и кавалеровъ; съ утра до ночи разные игры были. Даже горничныхъ бывало заставляли съ нами въ горѣлки и въ другія игры играть, а сами смотрятъ на насъ да радуются.

Бабаевъ.

Ну да, какъ же, какъ же! Въдь, это такъ недавно было: года три, не больше, какъ я уѣхалъ въ Петербургъ.

Жмигулина.

Я очень хорошо помню: съ пестрой недѣли третій годъ пошелъ, какъ вы уѣхали. Ваша мамаша бывало даже не любили, когда кто задумается или книжку читаетъ. Чтò, говорятъ, ты тоску-то нагоняешь! Ну, и бѣсились всѣ до-упаду. А промежду этимъ весельемъ, у кого замѣчательный глазъ, могъ многое кой-чтò замѣтить.

Бабаевъ.

Очень естественно. Мужчины, дѣвушки, молодые дамы постоянно вмѣстѣ—нельзя же, чтобъ обошлось безъ любви.

Жмигулина.

Особенно вы отличались по этой части. А послѣднее время все съ Таней да съ Таней, такъ и не отходили отъ нея. Такъ васъ голубками и звали.

Бабаевъ.

Сердце не камень, Лукерья Даниловна! А сами-то вы! Помните землемѣра?

Жмигулина.

Объ немъ и вспоминать не слѣдуетъ: онъ въ послѣдствіи даже очень низкимъ оказался противъ меня. Впрочемъ, судьба его наказала за всѣ невѣжества относительно благородной дѣвицы: онъ самъ теперь находится подъ судомъ за буйственные въ нетрезвомъ видѣ поступки.

Бабаевъ.

Скажите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, какимъ образомъ ваша сестрица вышла замужъ?

Жмигулина.

Прошлымъ лѣтомъ, когда ваша мамаша скончалась, у насъ рѣшительно не осталось никакихъ благодѣтелей. Папенька нашъ, при своей старости, былъ человѣкъ въ городѣ незначительный, робкій, оттого что мало чиновъ произошелъ. Папенька нашъ былъ канцеляристъ и получалъ жалованья тридцать рублей въ годъ. На эти деньги какъ мы могли жить? Мы, все-таки, видѣли свѣтъ. Прежде мы почти не жили дома,